

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

О «ЛИТЕРАТУРНОМ РАСПАДЕ»

Предисловие А. Луначарского
Примечания С. Макашина

БОРЬБА С МАРОДЕРАМИ

В настоящем номере «Литературного Наследства» опубликовываются письма Леонида Андреева, относящиеся к 1908 году.

Письма эти очень характерны для тех процессов, которые происходили вследствие продолжающегося спада революционных настроений и роста антиобщественных тенденций в нашей интеллигенции.

Воспоминания Горького об Андрееве, написанные с большой искренностью, отдающие отчет в хорошем и дурном, дают лишь сомнительное право называть Андреева другом Горького. Да и сам Андреев в одном из своих писем говорит о Горьком, как о единственном своем, но ненадежном друге.

Горький очень много возился с Андреевым: он признавал в нем несомненный и большой талант. Но он чувствовал также, что талант этот связан с необыкновенно шаткой натурой, насквозь больной не только биологически, а именно социально. Биологическая расшатанность Андреева, его пьянство, его бесконечное циничное размазывание вопросов плоти (как например в первом из публикуемых писем) характерны для той промежуточной группы, которую представлял Андреев.

Мало сказать, что Андреев был рупором мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия бывает разная. Андреев был рупором провинциальной обывательщины, бюрократической мелкоты и близких к ним прослоек. Это люди, живущие жалкой жизнью, не имеющие никаких перспектив впереди, подыхающие от скуки. На этой почве вырастают в их сознании всевозможные кошмары. Писатель, в котором эти настроения отражаются с особенно яркой силой, не может не стать больным, если бы даже он им не был, но в большинстве случаев рупором таких безнадежных групп являются как раз люди больные.

Пролетарский писатель Горький понимает, что в Андрееве живет это наиболее мрачно-мещанское, но прельщенный талантом Андреева Горький (к его великой чести) делал огромные усилия для того, чтобы направить Андреева на путь вдумчивого самообразования, чтобы приблизить его к пониманию ведущих передовых сил общест-венности. Это в известной, хотя бы относительной степени удавалось Горькому в то время, когда он нашел себе гигантского сотрудника в своих стараниях в лице самой революции.

Революция увлекла на время Андреева, и хотя произведения, которые он перечисляет как доказательство своей революционности — «Савва», «Иуда», весьма сомнительные, но все же в них не чувствуется затаенной ненависти к революции, к чуждой стихии, которая обещает разрешить те жизненные проблемы, те «неизреченные ужасы», с которыми слита душа обывателя и которыми он питает свое мрачное человеконена-вистническое мирозерцание.

Когда революция обещает тем социальным слоям, к которым принадлежал Андреев, какое-то новое устройство жизни, они готовы поднять голову, прислушаться, сделать шаг вместе с идущими к будущему рабочими массами. Но поражение революции доста-

вляет им злобное удовольствие: «Вот видите, все осталось попрежнему, как было — так и будет! Именно мы, безнадежные пессимисты, оказались правы. Мы имеем полное основание жить по-свински, ибо никакого исхода из тьмы бытия нет».

Андреев решается в одном из публикуемых писем называть Мережковского и Гиппиус мародерами, он даже говорит о них: «Пока революция двигалась вперед — тащили ее назад за хвост, а теперь являются на поле сражения и обирают убитых», но эта фраза как будто целиком взята из статьи Воровского, который справедливо причислил к мародерам самого Андреева.

Андреев пишет Горькому: «Тьма» — вещь жестоко неудачная, конфузная». Критики повидимому сумели убедить в этом Андреева, но чуть ли не через несколько дней он уверяет Горького: «И в «Тьме» (откидывая ее слабую форму) я все тот же».

Да, конечно, он все тот же, и в том смысле, что он обыватель-реакционер, и что в тех произведениях, которые он считает революционными («Савва», «Иуда»), он был только плохо переодетым реакционером. Но, повторяю, кое-что все же изменилось — Андреев был и озлоблен, и тайно обрадован неудачей революции. Его собственная пониженная жизненная установка, которой он гордился как своей философией, ниспровержение которой он чувствовал как унижение своей природы, оказалась в его глазах оправданной. Но он не решается сразу занять реакционную позицию и заявить, что к революции нужно решительно повернуться спиной. Собственно говоря, тенденция «Тьмы» именно такова, но взято это по-своему хитро.

Видите ли, революционером нельзя быть потому, что революционер — это хороший человек, а вот есть проститутки, дурные женщины; так не надо издеваться над ними; надо гасить все светлое, чтобы восстановить истинное равенство тьмы; равенство в моральном уродстве, братство — в круговой поруке самой затхлою обывательщины, свободы совершать какие угодно свинства.

Вот как поворачивается у Андреева как будто все еще революционный и морально звучащий лозунг. В этой хитрости чувствуется желание как можно скорее преодолеть разбуженный Горьким и событиями 1905 г. голос совести, который говорил Андрееву: «А ведь ты грязный обыватель!»

Андреев создал себе особую лестничку, вскарабкавшись на которую, он признал себя в праве сказать: «Все — грязные обыватели, и все должны быть грязными обывателями, а кто не грязный обыватель, тот гордец и эгоист, заслуживающий ненависти в своей изолированности».

«Тьма» была, таким образом, одним из отвратительных нарывов, показавших глубину процесса гниения в обывательской интеллигентской среде.

Следующим произведением Андреева был тот самый «Царь-голод», о котором он сам пишет в письме от 8 февраля, что он «отдает запахом спрятанного в погреб покойника».

Над этой фразой не мешает задуматься.

Андреев человек чуткий. С Горьким он изо всех сил старается быть откровенным. Но что это значит? Каким покойником, по мнению самого Андреева, отдает его пьеса? Этим покойником была революция, которую Андреев хотел скоронить.

Когда на него обрушилась передовая, в особенности марксистская, критика, в том числе моя статья в «Литературном Распаде», он переходит к обороне. Ну, конечно, «Луначарский только дурак», потому что, видите ли, «он не понял, что в «Царе-голоде» изображается не революция, а бунт. Разве у меня нет фразы «не оскорбляй те революцию — это бунт», — наивно заявляет Андреев.

Андреев вообще никогда не отличался особым умом, но в данном случае это не глупость, это очень большая обывательская хитрость. Неудавшуюся, не достигшую своей цели революцию обыватель сейчас же называет бунтом и, оплевывая всячески этот «бунт», топчет ногами революционное знамя.

Конечно, чистейший пустяк заявление Андреева, что он-де напишет трагедию «Революция». Никакой такой трагедии он не писал и написать не мог. Когда пришла настоящая революция, Октябрьская революция, когда она победила, — Андреев облила ее бешеной слюной и желчью. Он оказался в рядах контрреволюции, в рядах эмигрантов, в рядах самых разнузданных ее клеветников. Таким образом критика была

права, когда она прозрела маневр Леонида Андреева. После опыта революции 1905 г. человек вдруг оказался не в состоянии дать ничего другого, как фантастическую и претендующую быть грандиозной картину жестокого идиотского бунта. Конечно, обыватель, от имени которого говорит Андреев, не поддерживает прямо буржуазию или помещичью реакцию — он только хочет оставаться в своем болоте. Он брызжет оттуда, из этого болота, на то, что показалось ему высоким и могучим, но, по его оценке, сорвалось.

Все частные возражения Андреева на мою критику сами не выдерживают никакой критики. Они показывают только трусость Андреева: не решаясь выступить как откровенный реакционер, он делает «оговорки».

«ЕГО ДРАТЬ И ДРАТЬ»

Шарж В. В. Заерландера в журнале «Штрихи и Влестки» 1903 г. на отношение критики к Леониду Андрееву

Кто же, читая «Царь-голод», не скажет, что рабочие изображены там какими-то чудовищами, что хулиганы играют решающую роль? И если к этому еще прибавляется, что часть мнимых «бунтовщиков» является агентами полиции, то это разве возвеличивает революцию? Революция изображена как бунт, но мы никогда не позволим, под предлогом разделения бунта и революции, оплевывать бунт голодных против их эксплуататоров. Шапки долой перед таким бунтом!

Оговорки смешны. Бросается в глаза, например, что бунтовщики подожгли национальную галерею, — а затем, вскользь, замечание: «Может быть, она загорелась от наших собственных ядер», т. е. может быть, ее подожгли революционеры (и опровержения этому нет), а может быть бунт, вызвав репрессии, создав социальный беспорядок, косвенно загубил великое культурное достояние. Обвинение — и рядом лазейка, в которую можно спрятаться.

И этим ничтожнейшим возражением думал Андреев ответить на статью, в которой «Царь-голод» разбирается подробно и где подробно разъясняется его глубоко контрреволюционная и клеветническая сущность!

Меня свои позиции, отступая все глубже в ряды реакционеров, он докатился до репительной «Русской Воли», а потом и окончил свою жизнь оголтелым контрреволюционером.

Андреев бесился по поводу отношения к нему критики. Критика действительно относилась к нему довольно плохо. Вся постановка политических вопросов у него была такая спутанная, что против него ополчились не только марксисты, но и часть буржуазной критики.

Андреев в свое время написал в «Биржевых Ведомостях» статью, в которой разносил критиков и призывал их «ценить и беречь родные таланты», т. е. позволять ему, в силу его литературного дарования, всякие мерзкие выпады против революционного движения и рабочего класса.

В 1913 г. в письме к Амфитеатрову он еще осмеливался писать, что он на стороне революции: «Позволю себе утверждать — я никогда не был враждебен ни вам (Амфитеатрову.— А. Л.), ни Горькому, ни даже Луначарскому, который налепил мне на лоб клеймо раба».

К сожалению, это клеймо Андрееву не удалось стереть. Чем дальше, тем хуже шло дело. Не я налепил это клеймо на чело Андреева. Я просто стер ту розовую пудру, которую он хотел скрыть выступившее на лбу его черное пятно обывательской реакционности.

Сборники «Литературного Распада» появились именно для того, чтобы дать боевую оценку тогдашней литературы. Даже Андреев, которому так сильно досталось от этих сборников, вынужден был признать, что сборник хороший и своевременный. Я думаю, что это признание сделано больше из любезности к Горькому и для того, чтобы скрыть свое отступничество. Но это характерно, ибо даже враги признали появление «Литературного Распада» крупным явлением в русской литературе. Отдельные ошибки, которые там можно встретить, думается мне, не должны привести к тому, чтобы эти сборники были вычеркнуты из списка литературно-критических заслуг левого крыла тогдашней социал-демократии.

Кстати, Алексей Максимович вскоре после получения письма Андреева сказал мне: «Леонид прислал письмо по поводу вашей статьи. Он страшно обижен и обозлен, ругается и пытается оправдаться. Утверждает, что вы бьете по своим».

Однако Андреев не всегда относился ко мне с тем пренебрежением, которое он старается демонстрировать в своем письме к Горькому. К сожалению, мой архив погиб безвозвратно. Но у меня было два письма Андреева, относившихся к 1905—1906 гг. Одно из них, довольно длинное, написано по поводу моего разбора нескольких повестей Андреева («Так было, так будет» и др.). Андреев в письме благодарил меня за внимательное отношение к его творчеству, стараясь разъяснить истинный замысел своего произведения, а в конце концов счел нужным «отмочить» комплимент вроде того, что я являюсь одним из самых выдающихся критиков эпохи, и т. д.

Упоминаю об этом совсем не для того, чтобы защищать себя от раздраженной брани Андреева, — для того, чтобы не страдать от подобных «уколов», не надобно даже «бегемотовой кожи», о которой говорил Энгельс, — а упоминаю только потому, что это характерно для попытки мрачного пророка обывательщины завязать какие-то сношения с передовой литературой, — попытки, сменившейся потом безудержной руганью, когда его отступление было вскрыто и оценено по достоинству.

А. Луначарский

но разве это настоящая плата за все содеянное мною и надо мною? Был целый месяц, когда разум мой просто-напросто мутился. Потом тоска, удивительная тоска, когда однажды почувствовал я, что дошел до предела скорби, до того таинственного предела, который отделяет скорбь от чего-то нового, непостижимого, не то смерти, не то жизни. Потом пил я — по три-четыре дня, сперва рюмками, а потом коньяк, стаканами. Потом женщины — ряд мыльных пузырей, за которыми гонялся я, задрав кверху пьяно-плачущую рожу, и от которых теперь и на языке, и на сердце вкус дешевого мыла.

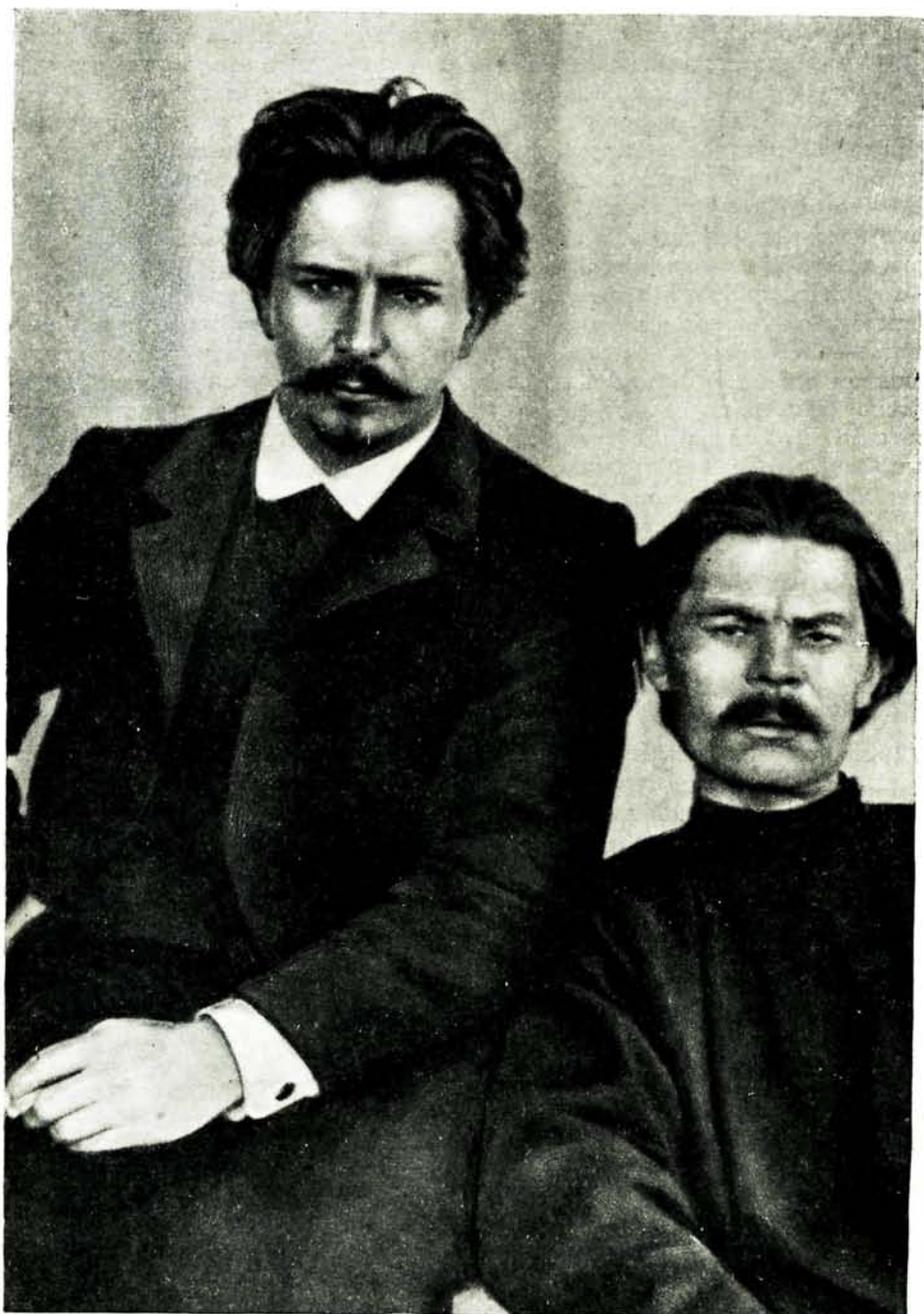
Работа? Но я не считаю, что этот год работал. «Тьма»¹ — вещь жестоко неудачная, конфузная. «Проклятие зверя»² — какая-то душевная замазка, чтобы не так дуло в щели. Наконец и сам «Царь-голод»³ написан втрое слабее, чем надо, и как-то отдает спрятанным в погребке покойником. Да, есть в нем что-то мертвое, холодное. Местами — хорошо, а фон какой-то серый, плохой. Вот и все, что сделано, — в сущности, ничего или почти ничего, ибо все-таки «Царь-голод» не окончательно плохо.

Теперь я не пью и, повидимому, собираюсь жить. Что-нибудь изменилось? Нет. Так же одинок, так же нет женщины, которую бы любил, так же пуста и по-большинному звонка квартира. И нет ни одного друга, кроме тебя, такого далекого и такого ненадежного. Просто совершился, очевидно, какой-то перелом, и жизнь начинает брать верх и обнаруживается то мое свойство, за которое Шура⁴ называла меня Ванькой-встанькой. Что же! Если за смерть Шуры я поплатился только тем, что было, то это страшно дешево.

Хотя — кажется мне — лишь теперь, с возвратом жизни, начинаются настоящие большие страдания мои. Тут нет противоречия. Трагедия — утверждение жизни, и только драма исключает жизнь. А то, что у меня было в этот год печального, за вычетом отдельных моментов, было все же не больше, как драмой, именно довольно скверной и грязноватой мещанской драмой. Это только репортеры и плохие литераторы называют самоубийство трагедией, а по-моему, среди миллионов самоубийц не найдешь и одного, который был бы воистину трагичен. Люди трагедии — живучи, и только люди драмы кончают с собою.

Трагедией была моя жизнь на Капри,⁵ еще вначале, когда я один бродил по острову и ночью слушал бурю. И трагедией она станет с весной, когда раз навсегда я уйду из ненавистного города с его жалкой суетой, раз навсегда стану лицом к лицу с природой, с морем, небом, снегом — перед чистым лицом человеческой мысли. Как я люблю мою будущую дачу!⁶ Тебя не возмущает эта любовь? Ты понимаешь, что это не любовь собственника, а другое. Жить нужно или так, как ты живешь, или так, как я хочу жить, — или стоять в самой кипени жизни, творить ее, или отойти от нее на расстояние и пытаться осмыслить ее. К последнему тяготею я всем складом души моей. Мне кажется, что я видел и чувствовал, и даже знал достаточно, ибо пьяный или трезвый, веселый или печальный не перестал смотреть, и целые груды насмотренного лежат во мне, и беру я ужасно много, а не отдаю ничего. Чтобы отдать, нужно осмыслить, а как это сделать, когда тысячи ветряных мельниц машут перед носом руками, когда от близости к предметам ломается перспектива и дряненький членишко Арцыбашева⁷ покрывает луну и звезды, когда голос околоточного отдается в ушах громче голоса самого бога, и т. д. и т. д. Понять я хочу, понять, а видел я достаточно.

Вот во мне уже с полгода резко намечается такой-то кризис, намечается столь ощутительно, что я не могу писать ничего серьезного: от старого я отошел, а к новому дороги не знаю. И в чем оно заключается, тоже не знаю. Несомненно только одно, что от отрицания жизни я как-то резко

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

С фотографии (1907 г., Капри), хранящейся в Литературном Музее Публичной Библиотеки СССР

поворачиваю сейчас к утверждению ее. И если прежде я думал, что существует только смерть, то теперь начинаю догадываться, что есть только жизнь. Но именно догадываться. Поразительным, например, кажется для меня то, что наряду со страданиями, о которых я писал уже достаточно, я почти непрестанно испытывал и испытываю какую-то огромную, чудовищную радость жизни. Если при успехах революции я смотрел мрачно и каркал: так было, так будет, то сейчас, живя в лесу виселищ, я чувствую и радость, и непоколебимую уверенность в победе жизни. Выходит как будто похоже на дурака, который смеялся на похоронах и плакал на свадьбе, — но это не то, не то. А что — не знаю, не знаю. И знать не буду, пока не отойду от житейской суеты и в дикой пестроте явлений не усмотрю какого-то великого и еще неизвестного мне единства.

От этого так и люблю я будущий дом с его всяческой приспособленностью к одиночеству и работе... Но вот тут наступает нечто изумительно глупое — все это может не осуществиться потому, что в основе своей я слишком здоров. Ей-богу! Как самому типичному здоровому пошляку мне нужно быть сытым, согретым, иметь хорошую жену и детей, чтобы мысль моя стала свободна, а не занималась подслуживанием. Помню, как, будучи голодным студентом, я мог думать только о еде. А теперь было так: лишенный женщины, я по целым месяцам — ты подумай, по целым месяцам! — мог думать только о женщине и притом специально, не хуже Арцыбашева. Конечно, я мог устроиться, как устраиваются другие: нанять горничную (это и доктора мне советовали), ездить по субботам в бордак, наконец, просто пользоваться теми многочисленными предложениями тела, которые поступают ко мне по городской почте. Но я не могу, это претит мне. Мне нужна жена, т. е. не только тело, но и душа, та особенная женская душа, которой не заменят тысячи мужских душ, как тысяча, скажем, мундштуков не заменит одной папиросы. Сравнение не совсем удачное, но ты понимаешь, в чем дело. На этих же основаниях неприменим и онанизм. Конечно, есть другой способ: стать выше, победить плоть и обкарнать дух. Но мало того, что я этого не могу, я этого и не хочу, ибо этим умерщвлением и обкарнанием я выдерну стул, на котором сидит мирозерцание, покусусь на что-то, не менее ценное, чем сама работа мысли.

На этом неожиданно оборву письмо, ибо, если не кончу сегодня, — а сейчас три часа ночи, и устал, — то при обилии суеты не скоро кончу. Лучше потом долишу. Скажу только, что люблю тебя крепко и верно. А писать нужно еще много.

Жму руку твою.

Твой Леонид.

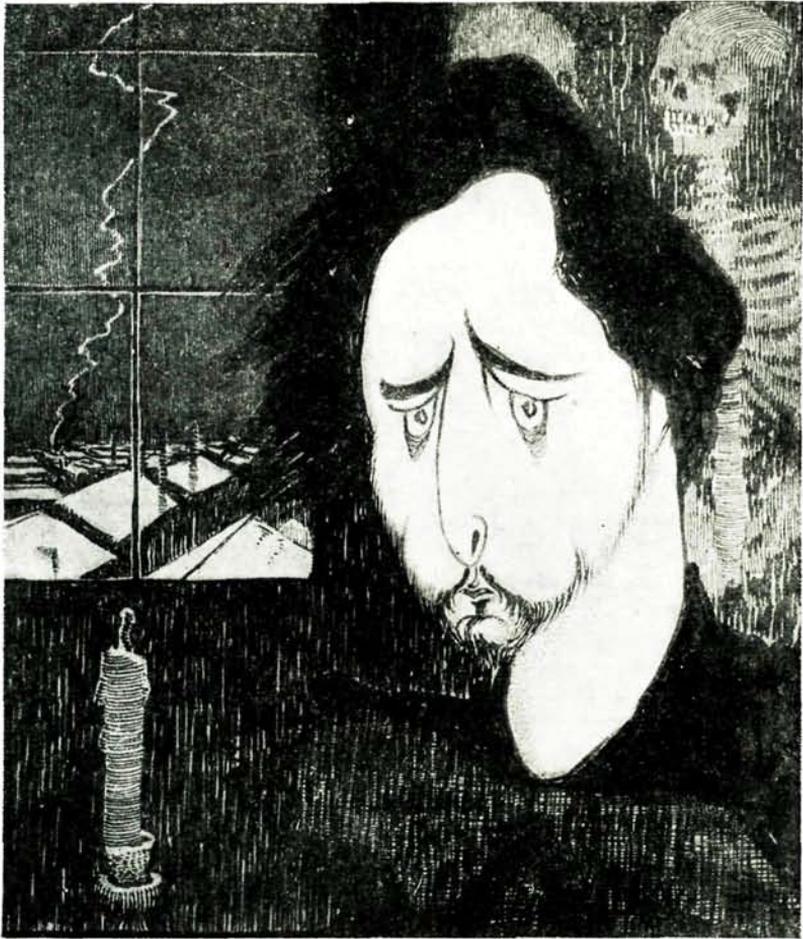
II

[23 марта 1908 г., Петербург]

Дорогой мой Алексеюшка! Ведь я не изменился, не меняйся и ты ко мне, голубчик. И в «Тьме» (откидываю ее слабую форму), и в «Царе-голоде» я все тот же, что был и в «Савве», и в «Иуде»⁸. И в «Шиповнике» я тот же, каким был в «Знании»⁹. Мои товарищи — нет, не товарищи они мои. И редактирование «Альманаха» — его я начинаю с того что отказываюсь печатать продолжение «Навних чар»¹⁰. И не люблю из них я никого, за исключением разве Блока. Вероятно, выкину из будущих альманахов и Брюсова¹¹ — пусть идет своей дорогой. И если бы у нас были, действительно были, талантливые писатели прежнего знаниевского типа — не использованные и не заезженные и не состарившиеся (как тот же милый Серафимович¹²), я сбил бы компанию только из них.

Попробую. Не выйдет, брошу, но никакого возврата не допущу.

На Капри сейчас не поеду — далеко, и влечет к себе близкая петербургская весна, которую люблю. Но осенью, если доживу, приеду. Сейчас усиленно работаю. Пишу большой, листа 3—4, «Рассказ о семи повешенных» — на тему о смертных казнях. Чувствую, что сейчас голосу настоящего нет, а хочется крикнуть: не вешай, сволочь! Отдельные фигуры в рассказе не дурны, а что в целом выйдет, не знаю. Тягостно писать¹³.

КАРИКАТУРА РЕ-МИ НА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В «САТИРИКОНЕ» 1908 Г., № 1

Под карикатурой следующие слова: «Вы, держащие в руках номер «Сатирикона», смотрите на этот портрет и слушайте! Вот перед вами пройдет полжизни человека... Был он маленьким — таким маленьким судебным репортером... Никто не знал его. Но заглянул однажды в «Бездну», и навсегда ужас застыл в глазах его. И смеялся с тех пор он только ледяным смехом «Красным смехом». Смеялся в «Тьме» и в зареве пожаров «Царя-голода». Смеялся, взвалив себе на плечи задачу большого, смешного, наивного великана — отстрадать за все человечество! Радуйтесь вы, держащие в руках номер «Сатирикона»! Радуйтесь, что такой человек — ваш современник»...

Да, травля против меня была бы неслыханною, если бы не ты, с которого они начали¹⁴.

Снизу доверху, во всех этажах российского литературного дома, иногда весьма смахивающего на веселый дом, меня ругают. Есть в этом и некоторая организованность — компания «Весов» и Мережковских ведет линию сознательно. И Куприна выдвигают сознательно. Но больше — от времени, искренне и тупо.

23 марта

Да, травля. Кадеты, мистики, декаденты, октябристы, черная сотня — со всех сторон. Но никак не ожидал я, что увенчают травлю с.-деки и что к именам Мережковского¹⁵, Гиппиус¹⁶ и Брюсова¹⁷ присоединить свое имя Луначарский в «Лит. Распаде»¹⁸ — книге, скрепленной твоим именем, — авторитетом.

«Трусливый раб», «мещанин», «клеветническое изображение рабочего класса», «Царь-голод» — революция, отраженная в голове мещанина, пусть художника, но безнадёжного мещанина».

Мне грустно не за себя. Мне грустно за дело, которому служат так, как Луначарский — по-лакейски. Говорят о себе как о людях новой, совершенной жизни, новой психологии, а пишут и думают, как в «Новом Времени»¹⁹.

Там, где Луначарский только дурак, он трогает меня мало, и ведь и в своей жизни дураки останутся дураками. И когда «Бунт» он смешивает с революцией (специально для этих господ у меня есть в «Царе-голоде» фраза: «не оскорбляйте революцию, это бунт», — не помогает) и на этом, единственно на этом недомыслии своем строит обвинение меня в мещанстве, — я смотрю спокойно. Недалеко время, когда я напишу «Революцию» (она является третьей в цикле пьес, и об этом уже было напечатано), — тогда даже Луначарский поймет, что в бессмертии я смыслю больше, чем он, и смерти боюсь меньше, чем он. Да и пролетариат ценю, пожалуй, больше, чем он.

Но есть место в его статье, где он пишет: «Революционный народ у Андреева сжигает национальную галерею. Этого никогда не было и не будет. Революционер-пролетарий всегда охраняет музеи. Эти мелочи дополняют картину беспомощности Андреева перед лицом революции».

У Андреева сказано:

И н ж е н е р. Эти господа зажгли что-то там еще, кажется, Национальную галерею. Такие идиоты! Впрочем очень возможно, что галерея зажжена нашими же снарядами.

Луначарский:

«Хулиганы у Андреева делают дело вместе с рабочими, сопровождая революцию (опять революцию — вот дурак!) разбоем. Это бессознательная ложь. Хулиганы или расстреливали рабочих в качестве гард-мобилей, или громили под знаменем монархии или религии, как наши черносотенцы. Там, где революция торжествовала (вот же дурак, господа!), хулиганы трепетали».

У Андреева:

И н ж е н е р. В среде этих же голодных мы нашли за невысокую плату несколько достаточно умных и расторопных господ и снабдили их поручениями интимного свойства. И в настоящую минуту эти идиоты уже начали великолепнейшим образом истреблять друг друга.

Не знаю, как на твой взгляд, но, по-моему, этакая картина ничуть не уступает Буренину и Мережковскому.

Ты еще очень недавно писал:

«Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получат должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, т. е. с нашей стороны. Мы организуем вид литературно-критических сборников» и т. д.

Так-то, Алексеюшка. Грустно все это.

Твой Леонид.

Продолжаю о «Лит. Распаде».

Самое важное в теперешнем литер. фарсе — разобрать, где враги и где друзья: мысли лгут, слова лгут, все замаскированы. И Луначарский употребляет слово «мещанин», и Каменский²⁰ употребляет то же слово: не ходишь голый, членом наружу, то стало быть мещанин. «Мещанин», если

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ С БРАТОМ П. Н. АНДРЕЕВЫМ
С фотографии, хранящейся в Институте Новой Русской Литературы

не пользуешься задним проходом для «священных целей Эроса», «хам» (т. е. тот же мещанин), если отвергаешь бога, черта и Мережковского с супругой.

И очень прискорбно, что сотрудники «Распада» не уяснили себе как следует, где враги и где друзья: с идиотской старательностью, как Луначарский, бьют по своим, еще раз кстати опошляя и бессмысливая вообще понятие мещанства; и дружественно, почти с лаской, упрекают Брюсова

в буржуазности²¹. А ведь если разобрать как следует, что есть ли более характерная фигура для «их литературы», как этот самый Брюсов? Сотрудник «Русского Листка» времен Козецкого.²², патриот и чуть-чуть не шовинист, он весь, со всем своим демонизмом сложенных на груди рук, со своим завитушечным стихом и воплями о культурности, со своей Козой²³, Эллисом²⁴—Кузьминым²⁵ и Феофилактовым²⁶— он истинный герой мещанства. Да ты и сам это хорошо знаешь. Он очень талантлив—но лишь там, где он аппарат для писания стихов, искусный механизм, который на ночь разбирают и кладут в керосин, а утром смазывают из масленки. Там же, где он должен быть человеком, он просто скотина.

А эти мародеры—Мережковский, Гиппиус и прочие мистики и культуртрегеры? Пока революция двигалась вперед—тащили ее назад, за хвост, а теперь явились на поле сражения и обирают убитых. Не ими разрыленную, не ими политую кровью землю стараются засеять спермой своей мистики, своего религиозного блуда. Почему им не дали отпора?

«Страх смерти»,—говорит Луначарский. Хорошо, а может ли он указать хоть один случай, хоть одну строчку в моих писаниях, где я, страха этого ради, поклонился бы хоть одному из буржуазных истуканов? И где я вообще ради чего бы то ни было хоть на мгновение стал на сторону буржуазного уклада? Ах, господи! Вот и кадеты устами Галича²⁷ признают меня «мещанином» (за то, что вину взваливаю на один класс), а вот и мирнообновленцы²⁸ ругаются (для образца посылаю вырезку).

А в общем все-таки ваш сборник хороший и своевременный.

Некогда, братику, писать. Женился и еду в Крым. Подробности письмом.

Мне начинает нравиться, что меня ругают.

Твой Леонид Андреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые письма Леонида Андреева к Максиму Горькому сообщены Н. Н. Ценковским. Оба письма относятся к 1908 г. Первое датировано 11 февраля, второе не имеет первоначальной даты, только на втором листе оно помечено 23 марта 1908 г.

¹ Рассказ «Тьма» напечатан в 3-й книжке литературно-художественных альманахов изд-ва «Шиповник», ноябрь 1907 г. Рассказ послужил причиной охлаждения отношений между Андреевым и Горьким (см. «Воспоминания» Горького, стр. 131).

² Рассказ «Проклятие зверя» напечатан в 1-й книжке литературных сборников «Земля», Москва, 1907 г.

³ «Царь-голод. Представление в пяти картинах с прологом»—драма, была издана отдельной книжкой с рисунками Е. Лансере изд-вом «Шиповник», СПб, 1908 г.

⁴ Александра Михайловна Велигорская-Андреева, первая жена писателя. Умерла 26 ноября 1906 г. в Берлине от заражения крови. См. о ней «Воспоминания» П. Н. Андреева в альманахе «Литературная Мысль», книга 3-я, 1925 г.

⁵ На Капри к Горькому Леонид Андреев уехал (вместе с братом П. Н.) в ноябре 1906 г. и жил там вплоть до весны 1907 г.

⁶ Вернувшись летом 1907 г. в Россию, Л. Андреев строит себе дачу «деревянный замок» в Финляндии, в Райволе, на Черной реке. Весной 1908 г. он окончательно поселяется здесь, выезжая в Россию (Петербург и Москву) лишь на небольшие сроки.

⁷ Ардыбашев М. П. (1878—1927)—буржуазный писатель, характерный представитель эпохи реакции с ее уходом в культ чувственных наслаждений и в порнографию. Автор шумевшего романа «Санин». После Октября—беломитрант.

⁸ Пьеса «Савва» и рассказ «Иуда Искариот» были напечатаны в редактировавшихся Горьким сборниках т-ва «Знание».

⁹ «Знание»— книгоиздательское товарищество, основанное в 1898 г. в Петербурге группой писателей во главе с К. П. Пятницким. С начала 900-х гг. в т-во вступает Максим Горький. В 1904 г. под его редакцией начали выходить литературно-художественные сборники т-ва, пользовавшиеся большой популярностью. Сборники эти, объединившие вокруг себя группу передовых писателей-реалистов (Горький, Серафимович, Велесев, Телешов и др.), сыграли в развитии литературно-общественной жизни 900-х гг. видную роль. Облик и общественные позиции группы определялись стоявшим во главе их Горьким. Произведения «знаньевцев» были проникнуты духом протеста против гнета

книжки «Шиповника» с «Новыми чарами» Сологуба и «мистическим анархизмом» Г. Чулкова и С. Городецкого. Сближение Леонида Андреева с издательством «Шиповник» относится к концу 1906 г. В феврале же 1907 г. стали выходить под его редакцией альманахи издательства, в которых Андреев поместил все свои крупные произведения этого периода: «Жизнь человека», «Тьма», «Царь-голод», «Рассказ о семи повешенных», «Сашка Жегулев», «Анатэма» и др. Кроме того «Шиповник» напечатал в 1908—1909 гг. пятый, шестой и седьмой томы сочинений Леонида Андреева.

¹⁰ «Навыи чары» — полупорнографический роман писателя-декадента Федора Сологуба. В нем автор «сделал, — по выражению В. Воровского, — попытку пропитать порнографией духом революционного движения, а революцию просалить порнографией». «Навыи чары» печатались в 3-й, 7-й, 13-й и 18-й книжках «Шиповника».

¹¹ Брюсов, В. Я. (1873—1924) — поэт-символист; поместил в книжках «Шиповника» два произведения: стихотворение «Город» (кн. 1, 1907) и поэму «Исполненное обещание» (кн. 4, 1908 г.).

¹² Серафимович, А. С. (псевдоним А. С. Попова) — пролетарский писатель, постоянный участник сборников «Знание». Леонид Андреев поддерживал с ним дружеские отношения (см. его письма к Серафимовичу, опубликованные в первой книге «Московского Альманаха», М., 1926).

¹³ «Рассказ о семи повешенных», посвященный Льву Толстому, был закончен в последних числах марта и был впервые напечатан в пятой книжке литературно-художественных альманахов «Шиповника», СПб, 1908.

¹⁴ Отношение критики к Леониду Андрееву было крайне разноречивым. Каждое новое произведение его порождало громадную критическую литературу, вызвало необычайное разнообразие мнений от гиперболических признаний его деятельности равной Толстому и Достоевскому, до крайне резкой брани со стороны черносотенных, огромных критиков (Розанов, Буренин, Басаргин, Тришатный) до епископов и иеромонахов включительно. Но если в первый период внезапного и огромного успеха Андреева резкие и отрицательные выпады против него были единичными и сосредотачивались главным образом в буренинских фельетонах «Нового Времени», то в подлинный водоворот критических выступлений попал писатель в момент, непосредственно предшествовавший публикуемому письму. Нападки на него посыпались теперь действительно со всех сторон, из всех литературных лагерей. Отголоски спора, поднятого вокруг Андреева, разнеслись и по провинциальной прессе, взволновали кружки молодежи и заинтересовали широкие читательские массы. Этот «литературный шум» вызван был появлением в печати двух его произведений с «революционной тематикой» — рассказа «Тьма» и пьесы «Царь-голод». Черносотенные органы — «Русское Знамя», «Вече», «Новое Время» и др. — допускала в полемике действительно самые грубые, хулиганские выражения. Вот для примера несколько эпитетов, данных Андрееву критикой этого лагеря за период, непосредственно предшествовавший его письму к Горькому: «тупица» (В. Розанов), «недоумок» («Русское Знамя»), «иначе говоря дурак» («Развлечение»), «просто идиот» (Буренин), «прохвост», «бездарность» («Русское Знамя»), «порнограф», «садист» («Петербургская Газета»), «босяк», «пропойца» («Вече»), «шарлатан», «дегенерат», «хулиган», «щенок» («Новое Время»). Его произведения Буренин называет «гаиматей», «трусостью» и «навозом», а В. Розанов пишет, «что ни собака, ни Иуда не лгут так, как Леонид Андреев» («Новое Время», июль 1907). Один раз погромное «Вече» поместило даже специальную статью о писателе под заголовком: «Как теперь прохвосты делают знаменитостями» («Вече», сентябрь 1907).

Разумеется, весь этот поток брани, направленный главным образом против «личности», давал повод Андрееву писать Горькому о «травле», ведущейся против него. Но только безнадежной уостью политического кругозора, убожеством мысли и озлобленностью обывателя, ущемленного в своем самолюбии, можно объяснить то обстоятельство, что Андреев осмеливается назвать «травлей» и принципиальное, хотя и резко отрицательное выступление против него А. В. Луначарского в «Литературном Распаде».

¹⁵ Имеется в виду статья Д. Мережковского «В обезьяньих лапах» («Русская Мысль», январь 1908). Андреева по свидетельству Ф. Релейникова («Воля России», апрель 1925) особо задела фраза статьи, написанная Мережковским по поводу «Тьмы»: «Если бы Андреев был последователен и правдив до конца, — он отрекся бы от революции и предался бы реакции».

¹⁶ Гиппиус посвятила Л. Андрееву три статьи: «Notes sur la littérature russe de notre temps» — («Mercure de France» № 253. I-er Janvier 1908); «Человек и болото» («Весы», май 1907 — подпись Антон Крайний) и «Все то же» («Весы», февраль 1908 — подпись Антон Крайний). «Жизнь человека», по поводу которой написаны первые две статьи, называется здесь «бездарной и неумной вещью», а сам Андреев «мало образованным и претенциозным писателем». О «Тьме», которой посвящена третья статья, Гиппиус говорит здесь: «Не хуже, не лучше. Та же риторика, та же мера антихудожественности... Та же безрезультатная натуга «удивить мир злодейством» и даже тот же глупый-преглупый герой, обыкновенный андреевский дурак».

¹⁷ Имеется в виду статья В. Я. Брюсова «Жизнь человека» в «Художественном

театре» («Весы», январь 1908, подпись Аврелий). Здесь это произведение названо «единственным в своем роде собранием банальностей» и дана резкая критика всего творчества писателя.

РИСУНОК И. Е. РЕПИНА К «РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
О подлинника (1907 г.), хранящегося в собрании И. И. Бродского

¹⁸ А. В. Луначарский в статье «Тьма» дал обстоятельный и довольно резкий обзор творчества Андреева как типичного «властителя дум» русской интеллигенции времен упадка, как «самого могильного могильщика» революционного движения, подлинного «эмиссара смерти».

На Андреева статья произвела повидимому крайне сильное впечатление, тем более что в данном случае критика, хотя и квалифицируемая растерявшимся и озлобленным Андреевым как «травля», имела резко выраженный принципиальный характер и шла из ранее дружественных ему социал-демократических революционных кругов, с которыми хотя и не срганически был связан писатель в годы первой революции. Андреев решил оправдываться и защищаться. Помимо письма к Горькому, участнику сборника, Леонид Андреев выступил и в печати. Он написал специальную статью о своих критиках, где наивными аргументами «формального порядка» пытался опровергнуть предъявленный ему социал-демократической критикой упрек в злобной клевете на революцию и рабочий класс. «Партийные критики, — пишет Андреев, — обвиняют меня за «Царь-голод» в безверии в победу социализма. Луначарский в книге «Литературный Распад», посвященной борьбе с уродствами современной литературы, с точки зрения пролетарского мировоззрения обвиняет меня в почти клеветническом изображении рабочего класса. Идею «Царь-голода» понял как объявление банкротства революции. Может быть я сам до известной степени виновен в том, что я так понял. Я не дал ясно понять, что здесь идет речь только о простом бунте, а не об истинной революции. Правда, у меня один персонаж говорит: «Не оскорбляйте революцию — это бунт», но в самом деле это, конечно, мало. Если бы знали весь план моей работы, знали, что за «Миром и войной», о которой я думаю сейчас, идет специальная часть «Революция», — этого упрека мне бы не сделали. Пожалуй, меня упрекнул даже в чрезмерном оптимизме. Может быть мне следовало бы прямо оговорить это в предисловии или в примечании, но я этого не сделал. Вот всегдашняя невыгода издавать труд частями».

Нам не удалось установить, в какой газете за 1908 год помещена была эта статья. Цитируем ее по выдержке, приведенной в брошюре В. Б. Брусянина «Леонид Андреев», М., 1912.

¹⁹ «Новое Время» — субсидируемый правительством орган дворянско-помещичьей реакции, по существу правительственный официоз. О Леониде Андрееве здесь писали преимущественно П. В. Буренин и В. В. Розанов.

²⁰ Каменский, А. П. (р. 1876) — порнографический писатель, выдвинувшийся в период «саницины» своим пресловутым романом «Леда».

²¹ Имеется в виду статья Л. Каменева в первой книге «Литературного Распада» «О Ласковом старике и о Валерии Брюсове».

²² Пропущено два слова. «Русский Листок» — политический беспринципная газета бульварного типа, основанная в 1895 г. в Москве. Начиная с 1898 г. редактором-издателем ее был реакционер Н. А. Казедкий. Участие в «Русском Листке» молодого Брюсова объясняется соображениями материального характера. По свидетельству вдовы поэта И. М. Брюсовой в этот период «Русский Листок» был чуть ли не единственной газетой, платившей Брюсову гонорар. За период 1900—1904 гг. (т. е. до возникновения «Весов») Брюсов поместил в газете около 60 заметок, рассказов, рецензий, обзоров, стихов и т. д.

²³ Имеется в виду следующая строфа из стихотворения Брюсова «In hac lacrimarum valle»:

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены,
Мы латешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

Четверостишие это наделало в свое время много шума, его часто цитировали и пародировали.

²⁴ Эллис — псевдоним Л. Л. Кобылинского. Поэт-символист и теоретик символизма, сотрудник «Весов».

²⁵ Кузьмин, М. А. — поэт и беллетрист, сотрудник «Весов».

²⁶ Феодилактов, Н. А. — художник, график «Весов».

²⁷ Галич — псевдоним Леонида Габриловича, фельетониста кадетского органа «Речь». За 1907—1908 гг. ни в «Речи», ни в близкой ей газете «Реформа» фельетона Галича, посвященного Л. Андрееву, нам отыскать не удалось. Отношение этих органов к писателю было отрицательным (статьи Философова, Вагребского, Азова, Чуковского и др.).

²⁸ Имеется в виду статья Д. Философова «Без стиля», содержащая резкую критику «Тьмы» и «Проклятия зверя» (главы 3, 4 и 5). Статья появилась в № 12 «Московского Еженедельника» от 18 марта 1908 г. Журнал этот, редактировавшийся Е. Н. Трубецким, был органом «Партии мирного обновления», образовавшейся в 1906 г. из левых октябристов и примкнувших к ним правых кадетов.